

Вторникъ. 14 октября 1908 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

* *
*

Сегодня Москва празднуетъ 10-лѣтіе своего знаменитаго Художественнаго театра.

Говорить о значеніи этого славнаго театра, пѣть гимны К. С. Станиславскому и Влад. И. Немировичу-Данченко—значить повторять то, что мы чуть ли не вчера еще писали и будемъ завтра опять писать.

Каждый любящій искусство слѣдитъ за каждымъ шагомъ Московскаго Художественнаго театра, живетъ его жизнью, его тревоженіями, радуется его удачамъ, скорбитъ о малѣйшемъ его промахѣ.

Въ день десятилѣтія этого замѣчательнаго художественнаго института, мы только чувствуемъ потребность выразить ему свой восторгъ и пожелать процвѣтанія, процвѣтанія и процвѣтанія.

Слава Художественному театру!!!

„Всѣ жизни, всѣ жизни“...

«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливыя рыбы, обитавшія въ водѣ, морскія звѣзды и тѣ, которыхъ нельзя было видѣть глазомъ,—словомъ, всѣ жизни всѣ жизни, свершивъ печальный кругъ, угасли»...

И туда, въ эту безконечную даль грядущаго, смѣло посмотрѣлъ Художественный театръ и дерзко зажегъ свой факелъ огнемъ будущаго.

Повторяю: въ безконечную даль грядущаго долженъ былъ посмотрѣть Художественный театръ, чтобы понять одного только Чехова, чтобы вписать одну только букву въ золотую книгу искусства.

Но уже въ самомъ Чеховѣ, въ его «Чайкѣ», намѣчены были тѣ новыя тона неудовимыхъ красокъ звука, отъ которыхъ пошли и пойдутъ новыя искатели Вѣчной Правды и въ числѣ первыхъ изъ нихъ—самъ Художественный театръ.

Я говорю о знаменитомъ монологѣ Зарѣчной, полномъ смертельнаго ужаса и безконечной вѣры въ торжество Духа.

Я говорю о томъ монологѣ, по которому сходила съ ума вся Москва и который начинался нелѣпыми словами:

«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, молчаливыя рыбы, обитавшія въ водѣ, морскія звѣзды и тѣ, которыхъ нельзя было видѣть глазомъ,—словомъ, всѣ жизни всѣ жизни, свершивъ печальный кругъ, угасли»...

Художественный театръ больше чѣмъ на половину состоялъ изъ любителей, онъ упустилъ изъ вида, «что писать пьесы и играть на сценѣ могутъ только немногіе избранные».

Онъ «нарушилъ монополію».

И вотъ ни актеры, ни критика до сихъ поръ не могутъ простить этого Художественному театру.

Не могутъ санкціонировать его «любительства» и закрываютъ глаза, чтобы не замѣтить его «новаго».

Но, какъ и все русское, Художественный театръ захотѣлъ отдохнуть, захотѣлъ покрасоваться.

У него уже была слава, было матеріальное благополучіе и онъ захотѣлъ пожить, какъ рантье.

Это было не трудно.

Художественный театръ уже выработалъ свою «собственную художественную рутину», свой «собственный художественный трафаретъ», въ основу котораго легъ ажурный рисунокъ Чехова, и по этому трафарету стали ставить все и вся.

Художественный театръ самъ убилъ свою «чайку».

Онъ забылъ, что убитыя чайки не летаютъ, а смиреннѣе стоятъ на книжномъ шкафу кабинета, какъ жалкое воспоминаніе о когда-то живомъ существѣ.

И когда онъ понималъ это, то затосковалъ.

И вмѣстѣ съ тоской прилетѣла къ нему «Синяя птица» и напомнила ему объ убитой «Чайкѣ».

Дрожащими руками снялъ Станиславскій запыленное чучело, долго смотрѣлъ на него, какъ бы проси прощенія за ненужную смерть, потомъ бережно поставилъ убитую чайку на свой письменный столъ, за которымъ когда-то грешил о тайнѣ жизни, и смѣло раскрылъ лежавшую передъ нимъ книгу.

И по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, лицо его прояснялось, потому что великій художникъ чувствовалъ приближеніе новой жизни.

Онъ зналъ, что «художественное» въ его театрѣ не могло умереть—оно только уснуло.

Театръ только отдыхалъ, послѣ тяжкаго труда и борьбы, во вотъ пробилъ часъ, когда спать уже больше нельзя, когда отдыхать—преступленіе, потому что жизнь требуетъ труда и подвига.

И онъ снова пойдетъ и на этотъ трудъ и на этотъ подвигъ.

Еще разъ взглянулъ Станиславскій въ лежавшую передъ нимъ книгу, чтобы еще лучше запомнить слова, вернувшія его къ жизни.

Это была святая книга.

Это были слова Чехова: «Нужны новыя формы. Новыя формы нужны, а если ихъ нѣтъ, то лучше ничего не нужно».

В. Сладковѣцевъ.